

«Даю тебе полчаса на раздумья», — мужчина, сидевший на диване с закрытыми глазами, вдруг открыл их. Резкие линии его лица, будто высеченные из камня, источали холодную, пугающе спокойную угрозу. — «Пока у меня ещё хватает терпения».

На стеклянном журнальном столике, подсвеченные мягким светом лампы, лежали бумаги о разводе — белоснежный лист, словно лезвие ножа, впивающийся прямо в глаза.

Цзянь Нань оцепенел. Ещё секунду назад он был просто одиноким, потеряннным духом, блуждающим в безжизненном холоде. А теперь — сидит на диване и слышит знакомый, до боли отчётливый голос, угрожающий ему.

Он спит?

Нет.

Мёртвые не видят снов.

Пока он молчал, мужчина напротив медленно открыл глаза. Его фигура, полулежащая в кресле, казалась скульптурой — чёрный костюм безупречного кроя подчёркивал узкую талию и сильные плечи, жёсткая линия челюсти обрамляла холодное, безмятежное лицо. Когда он не улыбался, от него веяло равнодушием и опасностью.

— ...Ли Чуань? — Цзянь Нань неуверенно произнёс это имя, будто проверяя, не наваждение ли всё это.

Ли Чуань скривил губы в лёгкой, колкой усмешке:

— Решил?

Цзянь Нань смотрел на это до боли знакомое лицо и, не веря себе, незаметно вжал ногти в ладонь. Резкая боль обожгла кожу, окончательно рассеяв туман.

Он действительно... вернулся.

Жив.

И не куда-нибудь, а именно в этот день — день их развода.

Если память не подводит, в тот год ему было двадцать четыре. А умер он в двадцать шесть. Их брак с Ли Чуанем никогда не был браком по любви — это был договор. Фиктивный союз. Тот — блистающий кумир миллионов, обладатель множества наград. Он же тогда был всего лишь студентом.

«Фиктивный брак. Каждый живёт своей жизнью».

Это были первые слова, которые Ли Чуань сказал ему в день регистрации.

Он помогал Ли Чуаню отбиваться от давления семьи, а взамен тот открывал ему дорогу в индустрию.

Ли Чуань исполнил свою часть сделки безупречно — и связи дал, и ресурсы предоставил.

А вот Цзянь Нань — нет. Потому что он... влюбился.

В прошлой жизни он поверил Дин Мо — другу, который шептал ему, что Ли Чуань изменяет. И, ослеплённый ревностью, он явился на вечеринку, устроил скандал и... сам подписал себе приговор. Развод.

После этого всё пошло под откос.

— «Извини, Нань Нань, я ничего не крал. Это компания так распределила», — сказал тогда Дин Мо, лукаво глядя ему в глаза.

И он поверил.

Всего через несколько дней в сети разлетелись новости — слухи о романе между Дин Мо и Ли Чуанем.

В ту ночь он, обезумев от боли, сорвался за руль, чтобы выяснить всё лично. И не доехал.

«Такому идиоту, как Цзянь Нань, и сдохнуть — заслуженно», — он слышал голос Дин Мо, когда его душа, истекая кровью, зависла в пустоте. — «Стоило только чуть-чуть примазаться к славе Чуань-гэ — и он всё проглотил».

«Он? Жениться на Ли Чуане? Ха! Лягушка решила, что может стать лебедем. Мне хватило пары приёмов, чтобы Ли Чуань от него сбежал».

Эти слова, как ядовитые стрелы, сопровождали его даже после смерти. Интернет кипел злобными обсуждениями, не давая покоя даже мёртвому. Родители не выдержали: седовласые похоронили собственного сына. Мать не перенесла горя — внезапный сердечный приступ унёс её жизнь. Отец... просто сгорел, угас, не выдержав одиночества.

Но сейчас... всё иначе. Он жив. У него есть второй шанс. Всё можно изменить.

...

Ли Чуань наблюдал за тем, как лицо Цзянь Наня бледнеет и снова темнеет, уголок его глаза чуть приподнялся — хищно, лениво.

— Не подпишешь? — спросил он спокойно, почти лениво, но в этом спокойствии чувствовалась холодная угроза.

Цзянь Нань очнулся от тяжёлых мыслей. Взгляд упал на документы о разводе, лежащие на столике. После того скандала на злополучной вечеринке Ли Чуань вряд ли когда-нибудь простит его. Если сейчас он откажется ставить подпись — только сильнее разозлит его.

Мысль оформилась мгновенно.

— Малыш, — Ли Чуань откинулся на спинку дивана, голос звучал лениво, но резал, как лезвие. — Пока я ещё добрый... советую поставить подпись. Иначе...

Щёлк. Цзянь Нань защёлкнул колпачок ручки:

— Подписал.

...

Тишина повисла в воздухе — плотная, звенящая.

Ли Чуань чуть прищурился. На миг в его глазах мелькнуло нечто вроде недоумения. Он вытянул длинную руку и взял со стола бумаги. На них отчётливо красовалась подпись: «Цзянь Нань».

Странно.

Буквально минуту назад этот человек со слезами на глазах умолял не разводиться... а теперь — подписал так легко, словно освободился от своих мыслей.

Цзянь Нань выпрямился, посмотрел на него прямо:

— Ге, насчёт того скандала на вечеринке... — его голос звучал ровно, без прежней истерики, — я хочу извиниться. Это я повёл себя как ребёнок, опозорил тебя и подвёл. Я нарушил условия нашей договорённости. Прости.

Ли Чуань вскинул бровь — невысказанное, холодное «и что с того?» читалось в его взгляде.

— Если можно, — продолжил Цзянь Нань, — я хотел бы изменить один пункт в соглашении о разводе...

— Причина, — резко прервал его Ли Чуань. Голос прозвучал глухо, тяжело. Его глаза блеснули хищным холодом.

Цзянь Нань на секунду замер, а потом мягко улыбнулся:

— Просто... я не выполнил свою часть договора, а ты всё равно оставил мне имущество. Я не могу это принять. Это... неправильно.

...

Повисла ещё одна пауза. Не тяжёлая — скорее странная, зыбкая.

Спустя несколько секунд Ли Чуань щёлкнул папкой, закрывая бумаги.

— Там и брать-то нечего, — сухо бросил он.

Цзянь Нань растерялся. В прошлой жизни по этому соглашению он получил немало — две квартиры в центре города общей стоимостью под пятьдесят-шестьдесят миллионов. Неужели теперь, после перерождения... их просто нет?

Он напрягся. Но что теперь — взять и начать перелистывать бумаги на глазах у Ли Чуаня?

Нет. Даже он понимал: это будет выглядеть слишком жалко.

Цзянь Нань чуть прикусил губу, затем кивнул:

— Хорошо... ладно.

Ли Чуань коротко хмыкнул, взял бумаги с разводом и повернулся к выходу. Для посторонних он — воплощение безупречного имиджа: утончённый, вежливый, приветливый. Но Цзянь Нань слишком хорошо знал — за этой гладкой маской прячется совсем не мягкий человек. И точно не «душка, с которым легко».

Он бросил взгляд в окно. За стеклом — глубокая зимняя ночь. Первая в году метель. Снег шёл густо, тихо, кружился в потоках света, ложась на землю плотным ковром.

— Ге! — позвал он, прежде чем тот вышел.

Ли Чуань остановился. Повернулся.

Высокий, статный, в чётко сидящих брюках, подчёркивающих ровные длинные ноги, он выглядел так, будто создан быть в центре любого кадра. Не зря его называли «национальным кумиром» — внешность у него была, мягко говоря, убийственная.

Цзянь Нань поднялся:

— На улице снегопад. Дорога, наверное, вся завалена... Остаюсь переночевать здесь.

Ли Чуань скользнул взглядом к окну, уголок его глаз слегка приподнялся — неясно, о чём он подумал.

Цзянь Нань быстро заговорил, опасаясь, что его неправильно поймут:

— Честное слово, я ни на что не намекаю. После всего, что случилось вчера, я решил начать новую жизнь. Исправиться. Стать другим человеком!

Слова вылетели сами — от волнения, от ещё непривычного чувства «второго шанса». И тут же он понял, как это прозвучало. В сердцах зажмурился, опустил голову, словно провинившийся школьник, боясь увидеть выражение на лице Ли Чуаня.

Некоторое время стояла тишина.

А потом — короткий смешок.

Голос Ли Чуаня звучал как тёплая, низкая нота виолончели — густой, с лёгкой хрипотцой, проникающий под кожу. Каждое слово, будто вибрация по струнам, отозвалось в груди Цзянь Наня лёгкой дрожью.

Он осторожно приоткрыл глаза.

— Тогда приму приглашение, — спокойно сказал Ли Чуань.

Он повесил пальто на вешалку, не торопясь прошёл мимо. Когда они поравнялись, Цзянь Нань невольно задержал дыхание. В прошлой жизни в этот день Ли Чуань сбежал бы без оглядки, даже если бы на улицу рухнула ледяная глыба. А сейчас... он остался.

Ли Чуань уже ступил на первую ступень лестницы, но, заметив, что Цзянь Нань уставился на него в немом удивлении, обернулся:

— Что? Собрался совратить меня? — лениво спросил он.

— Эм... Что? — Цзянь Нань даже моргнул от растерянности.

— Да брось, малыш. — Голос Ли Чуаня потянулся, как шёлк. — В браке у тебя духу на это не хватало. Думаешь, после развода вдруг окреп?

...

Цзянь Нань и ответить не смог. Просто открыл рот — и захлопнул.

Ли Чуань поднялся наверх, оставив его одного в гостиной.

Он перевёл дух и подошёл к столу. На журнальном столике лежала копия соглашения о разводе. Цзянь Нань поднял её, развернул... и замер.

Две квартиры в центре, стоимостью под пятьдесят миллионов, — всё на месте.

«Это у него называется “и брать-то нечего”?..» — он даже рассмеялся про себя, тихо, с едва заметной горечью и теплом.

Цзянь Нань ещё какое-то время сидел в гостиной с закрытой папкой соглашения на коленях. Молчал. Думал. Сосредотачивался.

Только что начавшаяся заново жизнь давила на виски тихим звоном — и вместе с тем давала ясность.

Прежде всего... самое важное — нельзя снова встать против Ли Чуаня.

В прошлой жизни всё его падение началось с этого шага. После развода он лишился опоры, а когда ещё и рассорился с Ли Чуанем — толпа, которая вчера ему улыбалась, сегодня первой толкнула его под откос. Его давили, вытирали об него ноги, пользовались любым поводом, чтобы добить.

А потом, будучи душой, он много чего увидел. Много кого. Много лиц, снятых масок.

Но самым неожиданным оказался именно он — Ли Чуань. Мужчина, в которого Цзянь Нань был влюблён всю свою юность, после его смерти молча закрыл рты всем, кто поливал его грязью. Задушил волны хейта одним взмахом руки. Отправил людей ухаживать за его больным отцом.

Не ради любви. Не ради их прошлого. Просто... по-человечески.

И именно эту тихую, холодную, почти равнодушную доброту Цзянь Нань запомнил на всю жизнь.

Да, он вернулся поздно — момент, когда всё было идеально, уже прошёл. Они всё равно разводятся.

Но хотя бы теперь он не допустит, чтобы всё кончилось так же, как в прошлой жизни.

Или... по крайней мере постарается.

Тем более, Ли Чуань остался на ночь. Пусть и из-за снегопада... но остался же.

...

Успокоив себя мысленно, Цзянь Нань поднялся на второй этаж. Дверь в кабинет была приоткрыта — значит, Ли Чуань планировал ночевать именно там. Как и раньше.

В их браке не было ни страсти, ни близости. Они жили, словно два соседа под одной крышей. Даже не пересекались лишний раз. И, конечно, после развода ожидать чего-то другого было бы глупо.

Щёлк.

Он, опираясь на память, толкнул дверь спальни. В этот же момент в ванной закончила шуметь тёплая вентиляция — дверь отворилась, и в проёме появился он.

Ли Чуань.

Он вышел, закутанный в белый халат, лениво завязанный на поясе. Капли воды стекали по чёрным как смоль волосам, сползали по шее и исчезали под тканью. Простой халат вдруг выглядел так, будто на нём — костюм высокой моды. Широкие плечи, подтянутое тело, высокий рост. Красив. До боли.

— В душевой в коридоре полетел кран, — небрежно пояснил он, вытирая волосы полотенцем.

— Ага... — Цзянь Нань зачем-то быстро кивнул.

Он уставился в пол. Уши медленно запылали. А мозг предательски воспроизводил картинку, которую он только что увидел. Вот же... Проклятье. Красивая обёртка губит людей.

— Ладно, ты... ты иди уже, — он чуть отступил в сторону, стараясь спрятать смущение под маской равнодушия.

Ли Чуань уже собирался выйти, но замер на полушаге.

За все годы, что он жил под светом прожекторов, никто ещё не осмеливался так его «вышвыривать». А эта худенькая фигурка сбоку даже не поднимала на него глаз — как будто он и не человек, а сквозняк.

Глаза Ли Чуаня чуть прищурились. В голосе зазвенела ледяная насмешка:

— Что? — он медленно поднял бровь, глядя на него сверху вниз. — Мое тело не в твоём вкусе?

<http://bllate.org/book/12642/1121250>